

© 2026. Т. А. Богданова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Многогранность авторского взгляда в книге «Грузия и Армения» А. Н. Муравьева

Аннотация: Как ни в каком другом из сочинений А. Н. Муравьева, в книге «Грузия и Армения» автор предстает путешественником, паломником, историком и чиновником МИДа. Автор статьи уделяет преимущественное внимание двум сторонам повествования: исторической и дипломатической. Как историка Муравьева аттестует глубокое личное сопереживание христианским древностями и стремление донести это до читателя. Собранные Муравьевым и помещенные в книгу сведения извлечены из различных источников: от рукописных до устных преданий и бесед со старцами по истории и современному состоянию монастырей. Муравьев описал внутреннее убранство храмов двух древнейших в христианском мире Церквей, осмотрел около пятидесяти монастырей Грузии и Армении, их ризницы и архивы. Рукопись книги была просмотрена митрополитом Филаретом (Дроздовым), сделавшим свои замечания в тексте и отдельно в письмах. Автор статьи исходит из того, что поездка в области, недавно вошедшие в состав Российской империи, являлась одновременно частью «неофициальной стороны» служения Муравьева при Азиатском департаменте Чиновников Особых Поручений V класса.

Ключевые слова: А. Н. Муравьев, митрополит Филарет (Дроздов), Грузинская православная церковь, Армянская Апостольская Церковь, Абхазская православная епархия, лирический герой, христианский писатель, церковный историк, чиновник

Информация об авторе: Татьяна Александровна Богданова, доктор церковной истории, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: tabog@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 23.03.2026

Дата одобрения статьи рецензентами: 18.05.2026

Дата публикации статьи: 25.09.2026

Для цитирования: Богданова Т. А. Многогранность авторского взгляда в книге «Грузия и Армения» А. Н. Муравьева // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 3. С. 256–283. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-256-283>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 256–283. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 3, 2026, pp. 256–283. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. **Tatiana A. Bogdanova**

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

The Multifaceted Author’s Perspective in A. N. Muravyov’s Book “Georgia and Armenia”

Abstract: In “Georgia and Armenia,” unlike any other work by A. N. Muravyov, the author emerges as a traveler, pilgrim, historian, and Foreign Ministry official. The author focuses primarily on two aspects of the narrative: the historical and the diplomatic. As a historian, Muravyov demonstrates a deep personal empathy with Christian antiquities and a desire to convey this to the reader. The information collected by Muravyov and presented in the book is drawn from a variety of sources: from manuscripts to oral traditions and conversations with elders on the history and current state of monasteries. Muravyov described the interiors of the churches of the two oldest Christian denominations in the Christian world, inspected approximately fifty monasteries in Georgia and Armenia, their sacristies, and archives. The manuscript was reviewed by Metropolitan Filaret (Drozdov), who made comments both in the text and in letters. The article proceeds from the assumption that the trip to the regions that had recently become part of the Russian Empire was also part of the “unofficial side” of Muravyov’s service in the Asian Department as a Special Assignment Officer of the 5th class.

Keywords: A. N. Muravyov, Metropolitan Filaret (Drozdov), Georgian Orthodox Church, Armenian Apostolic Church, Abkhazian Orthodox Diocese, lyrical hero, Christian writer, church historian, official

Information about the author: Tatiana A. Bogdanova, PhD in History, DSc in Church History, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>

E-mail: tabog@yandex.ru

Received: March 23, 2026

Approved after reviewing: May 18, 2026

Published: September 25, 2026

For citation: Bogdanova, T. A. “The Multifaceted Author’s Perspective in A. N. Muravyov’s Book ‘Georgia and Armenia.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 3, 2026, pp. 256–283. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-3-256-283>

В центре внимания автора данной статьи находится книга А. Н. Муравьева «Грузия и Армения». Ключевой целью работы является осмысление гармоничного сочетания в этом издании исторических, политических, дипломатических взглядов писателя и путешественника.

По признанию самого А. Н. Муравьева, в нем рано определилась «страсть к словесности вообще и особенно к поэзии, <...> поэтическая склонность сперва уступила прозе, а потом обратилась на духовное поприще, избрав предпочтительно себе целью церковные предметы. <...> все сие совершилось весьма естественно, само собою, без всякого с моей стороны напряжения и почти безотчетно» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1913: 6]. Начало своей «биографии» он относил ко времени, когда задумал посетить Св. Землю:

Эта минута была самая решительная в моей жизни; <...> Щедрой рукою вознаградил меня Господь, ибо все, что я ни приобрел впоследствии как в духовном, так и в вещественном, истекло для меня единственно из Иерусалима (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1913: 6–7].

Уже первое путешествие в Св. Землю соединено было со службой Муравьева в Коллегии иностранных дел, о чем свидетельствует поданная им в 1830 г. в Азиатский департамент записка «О Египте», сообщавшая «о шатком положении российских консульств в Леванте» [Смирнова: 42]. Муравьев был определен к ведомству Министерства иностранных дел 28 августа 1829 г. После поездки на Восток 20 мая 1831 г. получил место начальника Турецкого стола Азиатского департамента МИД. 17 августа 1842 г. определен Членом Общего Присутствия Азиатского Департамента. 20 августа 1843 г. произведен в статские советники, со старшинством с 5-го сентября 1842 г. Будучи уже на Кавказе, 7 декабря 1846 г., назначен Чиновником Особых Поручений V класса при Азиатском департаменте. Значительное время служба Му-

муравьева проходила по двум ведомствам: духовному (1833–1842) и Министерству иностранных дел (1828–1866).

В письме к товарищу Министра иностранных дел И. М. Толстому (6 декабря 1860 г.), оценивая свою службу в МИД, Муравьев отмечал, что его «карьера по Министерству состояла собственно не в бюрократических занятиях», но имела «официальную и неофициальную сторону моего служения, которая не всем могла быть известна»¹ и сосредоточивалась преимущественно на восточном направлении. Муравьев «всегда доставлял Министерству подробные сведения о церквях православных и старался входить в ближайшее общение со всеми первостепенными пастырями Востока»², с которыми состоял в переписке:

<...> мои путешествия по Востоку были совершенно частные, лицо мое вовсе неофициальное и средства денежные весьма скудные, <...> притом же я мог свободно объясняться на Греческом языке, без всяких посредников³.

Подготовка к изданию описания путешествия в Св. Землю побудила Муравьева обратиться к изучению церковной истории. В библиотеке отца в Осташево нашел он «всю пространную историю» [Муравьев 1913: 12] христианской церкви аббата Клода Флери (1640–1723) (*Histoire ecclésiastique*. Paris, 1690–1720, 20 томов). Многочисленные выписки аббата из святых отцов заставили «обратиться к их творениям» [Муравьев 1913: 13]; Муравьев приобрел «так называемую Библиотеку святых отцов, или лучшие из них извлечения, на французском, в 36 частях, и еще жития пустынных отцов Востока» [Муравьев 1913: 13], что «совершенно ознакомило» его с духом и деяниями святителей и отшельников. «Таким образом, Иерусалиму я был обязан первыми моими сведениями о истории Вселенской Церкви и учении св. отцов, — замечал он, — и это был первый мой шаг на поприще духовном» [Муравьев 1913: 13]. Ко времени поездки в сентябре 1846 г. на Кавказ перу Муравьева принадлежали сочинения по вопросам богослужения и вероучения православной церкви, полемике с католиками, всеобщей

¹ ОР РНБ. Ф. 498. № 78. Л. 8, 9. (Курсив мой. — Т. Б.).

² ОР РНБ. Ф. 498. № 78. Л. 2 об.

³ ОР РНБ. Ф. 498. № 78. Л. 5 об.

и русской церковной истории, священной истории, серия книг «Путешествия по святым местам Русским. Все они вышли без имени автора, значительная часть была отпечатана в типографии III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и не раз переиздавалась. Странствования по Западу, Востоку и Кавказу, по замечанию Муравьева, имели целью «изучить Римскую Церковь и Англиканскую, Армянскую и Греческую, дабы извлечь для себя и других еще большие уверения в истине Православия, чрез взаимное их сравнение» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1871: 30].

Муравьев обладал прекрасной памятью, писал легко, быстро и много. На замечание профессора кафедры гражданской истории Московской духовной академии Петра Симоновича Казанского, «повнимательнее быть к своим сочинениям», поскольку спешность обработки собранных материалов приводила иногда к ошибкам, Муравьев отвечал:

Вы с Вашими требованиями пять лет просидите над сочинением, и в десять лет разве сто человек прочитают их, и после уже оценят их достоинство. Я напишу это в пять месяцев и скорее, мою книгу станут тотчас читать; знаю, что через десять лет ее забудут, но она сделала свое дело [Казанский: 9–10].

По признанию Муравьева, он

искал быть полезным Отечеству всякого рода сочинениями, духовными и светскими (числом до 40 томов), в коих *старался, по мере сил моих и познаний, сблизить общество с Церковию*, объясняя Богослужение Православное, догматы, историю Церкви, жития всех Ея святых и самая разности Ея с иноверными Церквями: все, наконец, *что только необходимо знать светскому человеку по сему предмету*. Осмеливаюсь даже выразиться таким образом, что в течение нескольких лет составил из сего особый род литературы церковной, которой подражали и духовные¹.

¹ ОР РНБ. Ф. 498. № 78. Л. 1 об.–2. (Курсив мой. — Т. Б.) Письмо Ивану Матвеевичу Толстому (1806–1867), 6 декабря 1860 г. Товарищ министра иностранных дел, обер-гофмейстер Высочайшего двора, в апреле 1866 г. возведен в графское достоинство.

В январе 1846 г. митрополит Филарет (Дроздов), предлагая написать Муравьеву «нечто о Лютеранстве», выразил пожелание:

Исторический вид сочинения был бы менее военный, и удобнее привлекал бы читателей. <...> возможность *высказать нужное занимательно и не сурово* (Курсив мой — Т. Б.) [Львов: 171–172].

Способностью излагать *нужное занимательно и не сурово* митрополит Филарет, которому Муравьев отдавал на предварительное прочтение свои работы, по-видимому, дорожил в авторе более всего. Муравьев же называл себя «учеником» Филарета, в течение многих лет черпая от него глубокое «вместе богословское и церковное» учение, «можно сказать из самого родника нашего богословия, и это — из уст в уста, в живых вопросах и ответах с совершенною свободою духа» [Муравьев 1913: 21].

Книга «Грузия и Армения» вышла в трех частях общим объемом около 25 авторских листов. Части первая и третья посвящены Грузии, вторая часть — Армении, где Муравьев находился около пяти недель в октябре–ноябре 1846 г., обработка второй части была практически закончена еще на Кавказе.

С августа по декабрь 1847 г. рукопись (тетради) просматривал митрополит Филарет (Дроздов):

Я их читаю. Простите, что на полях пишу иногда замечания, которым не нужно доходить до сведения переписчика и типографщика. Вы снимите их карандашом. А меньше писать там, нежели отдельно. Скажу здесь, что не случилось сказать, или чему нет места на поле тетрадей [Письма: 256].

Не только *богословские и церковные* знания передавал Филарет своему ученику, но и касавшиеся языка и стиля духовного писателя. По прочтении первых трех тетрадей, присланных Муравьевым, митрополит 6 октября 1847 г. взыскательно указывает автору:

Помню, что в них не нравилось мне, что Вы кланяетесь в землю пред гением Пушкина. По моему мнению, в Христианском писателе это неуместно [Письма: 251].

Муравьев высылал тетради по мере их написания и подготовки к печати, не придерживаясь порядка, какой они заняли в книге, где выдержана хронология поездки. Замечания в письме от 11 ноября 1847 г. относятся преимущественно к главам, вошедшим в третью часть книги (ноябрь 1846 – апрель 1847), содержащим описание обратного пути из Тифлиса к побережью Черного моря (отметим этот факт и вернемся к нему, когда затронем переговоры об учреждении архиерейской кафедры в Абхазии). Коррективы митрополита относятся преимущественно к литературной стороне:

Простите меня прозаического человека. Не всегда я рад тому, что ныне называют поэзией. Вы говорите на пример: *укрепленные обители представляли готовую раму для сей романтической картины*¹. Согласен, что вид местности представляет картину: но природа не втесняет своих картин в тесные и принужденные рамы. Метафора *рам* принесена из Франции, и уже избита поэтами и прозаиками. Обители — отдельные точки: как представить их непрерывною рамою? Далее: *чтобы не нарушать горькими следами опыта свежесть впечатлений*. Может быть, у меня не достает вкуса, но мне кажется, следы не бываю горьки, потому что их нельзя взять в рот, и отведать; а можно их видеть, но глаз видит светлое, темное и пр., а не видит ни горького, ни сладкого. Также принужденным кажется мне и сочетание прочих слов выражения мною выписанного. Они звучат: но когда их прочитаю, по необходимости ищу других слов, чтобы понять сказанное.

Еще, чего не хотел бы я, говорить Госпожа Грамматика, что не должно говорить: *не нарушать свежесть*, но *не нарушать свежести*. Напротив того против слов: *одной половины железных врат уже не существует*, говорит Логика, что надобно сказать: *одна половина врат не существует*. Объясню сие примером: у меня не было хлеба, то есть сколько-нибудь хлеба. Напротив того: *ко мне приходил Иван*; а нельзя сказать *не приходило Ивана*, потому что не может прийти часть Ивана, а должен он прийти весь.

Моцамети и Гелат особенно приятны. Но не ослабилили[!] Вы в переводе слова Тамари: *я предприняла украсить Твой образ, Матери с Сыном Твоим, да сохранил меня с сыном моим*. Мне кажется, я читал бы короче: *я возжелала украсить Твой образ, Матери с Сыном, да сохраниши мать*

¹ Здесь и далее в цитате курсив в тексте

и сына. Понятно, и без слова: *меня*, и даже отсутствие сего слова дает речи более скромности и нежности. <...> Не мое дело рассуждать о *Барсовой коже*. <...> Перевод в прозе мог быть более точен с подлинником. <...> Прошу, не прогневайтесь, что я говорю и пишу не красиво. Примите то, что как умею, исполняю Ваше поручение [Письма: 256–259].

Наконец, 26 декабря 1847 г. Филарет оправляет Муравьеву, по-видимому, последнюю просмотренную партию тетрадей, первые главы третьей части книги:

Повеление Ваше исполнить спешу: но Вы требовали невозможного, чтобы тетради Ваши возвратились к празднику. Я получил их 23 дня вечером. Теперь они готовы, и отправятся.

Вероятно, не по мысли Вам будет замечание, которое хочу сделать: однако, сделаю. Житие и мученичество Св. Або прекрасно. И житие Царицы Сусанны хорошо. И повесть о Княжне, скрывающейся от замужества, назидательна¹. На за сим недалеко следует — похвала пляске Князя Дадияна и Княжны Орбелиан. А недалеко за сим описание богослужения страстной недели. Не довольно ли описания пестроты разнородного праздника? Надобно ли входить в тонкий разбор пляски? И будет ли приятно Князю Дадияну и Княжне Орбелиан увидеть себя пляшущими пред всею читающею Россию? Или это дело не духовного суда? Предайте светскому. Я не возьму апелляции: но и не подпишу удовольствия. Кто в деле, тот и в ответе [Письма: 264–265].

По всей видимости, замечание митрополита относится к балу во дворце князя М. С. Воронцова. Муравьев убрал в книге фамилии, оставив описание самого бала на нескольких страницах:

Наступила масляница и начались увеселения, которых не было в течение зимы. Блистательный бал был дан Князем Наместником и, конечно, лучшие балы северной столицы должны уступить ему по оригинальности,

¹ Историю княжны, сбегавшей в мужской одежде и «присоединившись к аробщикам, которые везли свои товары в Тифлис, достигшей с ними Мцхета», оставленной в женской общине, жившей при монастыре Самтавро А. Н. Муравьев изложил со слов владельца Мингрелии кн. Давида Дадияни [Муравьев 1848. 3: 57–58].

ибо тут соединились Азия и Европа, со всеми очарованиями поэтического Востока [Муравьев 1848. 1: 66].

Все три части подписаны были к печати еще 10 октября 1847 г. (как указано в книге) и отпечатаны в типографии III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, вышли в свет летом 1848 г. В отличие от других произведений Муравьева книга «Грузия и Армения», по признанию современника, «имела весьма мало успеха в России» [Святогорец: 7] и более не переиздавалась. Самые интересные части ее переведены на греческий язык вселенским патриархом Константином, в переводе на английский язык помещены в ранее упоминаемом сочинении «История св. Восточной Церкви» Джона Мейсона Нила.

Грузинскую/Иверскую православную церковь Муравьев относил к «одной из древнейших Церквей в мире, современной по своему началу вселенскому торжеству Христианства» [Муравьев 1848. 1: VI]. Муравьев посетил не менее тридцати монастырей (более 2/3 в Грузии): как действующих, где братия насчитывала два-три, редко пять-семь иноков, так и запустевших, многие из которых продолжали посещать богомольцы. В течении пяти дней в конце сентября 1846 г. вместе с историком П. И. Иоселиани, исполнявшим роль гида и переводчика, Муравьев путешествовал по Кахетии, осмотрев не менее одиннадцати монастырей, семь из них были устроены в V–VI вв. сирийскими (сирскими как часто говорили тогда) отцами во главе с прп. Иоанном Зедазнийским, которые почитались основателями монашеской жизни в Грузии; Муравьев посвятил им отдельную главу «Сирские Св. Отцы» [Муравьев 1848. 1: 235–253].

В первых числах октября 1846 г. вместе с экзархом Исидором (Никольским), хорошо знакомым Муравьеву по Москве (в 1834–1837 гг. Исидор состоял викарием митрополита Филарета) Муравьев совершил поездки в Зедазенский монастырь [Муравьев 1848. 1: 254–274] и Шио-Мгвимскую пустынь [Муравьев 1848. 1: 275–293]. Затем около пяти недель (не ранее 4–5 октября и не позднее 26 ноября) Муравьев находился в Армении. После возвращения в Грузию по приглашению экзарха 26 ноября Муравьев сопровождал его в поездке на освящение работ по возобновлению Марткопского монастыря [Муравьев 1848. 3: 1–9]. Зиму Муравьев провел в Тифлисе, 26 января 1847 г. вместе с

владельцем Мингрелии/Мегрелии князем Давидом Дадияни поднимался на св. гору Давидову [Муравьев 1848. 3: 49–74]. Из-за болезни Муравьев не смог совершить планируемую поездку в Манглис и Сомхетию и все время поста находился в Тифлисе. Не позднее 11 апреля 1847 г. покинул Тифлис, направившись на Черноморское побережье через Карталинию, Имеретию и Мингрелию/Мегрелию. В Редут-Кале 1 мая Муравьева ждал специально присланный за ним пароход, который должен был доставить его в Крым. Таким образом в поездках по Кавказу Муравьев находился не более двенадцати-тринадцати недель, менее половины своего пребывания на Кавказе.

Описание поездки и осмотра монастыря или храма в книге содержит обычно четыре элемента и начинается (иногда и заканчивается) *описанием дороги и местности вокруг* (1), своего рода пролога и эпилога. Муравьев пересказывает в описании монастыря *жизне основателя* (2), если оно есть. Основную часть составляют *описание внешнего вида монастырей и храмов, их внутреннего убранства, посвящения, факта наличия пределов*. Повествование изобилует подробностями об устройстве иконостаса, престола, жертвенника, наличии и сохранности стеновых росписей, кто на них изображен, есть ли надписи. *Особое внимание* в описании монастырей и храмов Муравьев уделял *древним чудотворным иконам и священным реликвиям, привезенным с Востока* (4). Как писал Н. П. Кондаков, посетивший Кавказ в 1890 г., (это же отмечал в своей книге ранее и Муравьев):

чтимые и чудотворные иконы Грузии, без исключения, все относятся к непосредственным спискам главнейших византийских икон; таковы: *Гелатская* и *Хахульская* в Гелатском монастыре, *Цилканская* близ Мцхета, *Анчийская* и *Бертская* в Тифлисе, *Мартвильская* в монастыре этого имени; равно и многие иконы, доселе сохраняемые в храмах и монастырях Грузии, дают ближайшие и более точные данные о византийских оригиналах, чем поздне-греческие их списки [Кондаков: 31–32].

Среди множества описаний осмотренных им церквей привлекает к себе внимание своей взволнованностью замечательная по «древности и зодчеству, во вкусе Эчмиадзинском» [Муравьев 1848. 3: 81] церковь Цилканская, воздвигнутая в IV в. из обработанных блоков песчаника недалеко от Мцхеты, где была кафедра св. Иессея одного из Сирских

отцов. Ко времени посещения ее Муравьевым и кн. Дадияни, церковь находилась «в совершенном запустении; южная стена ее отошла, купол покосился и даже вход в нее запрещен, из опасения падающих камней» [Муравьев 1848. 3: 81–82], но сохранились остатки стенных росписей (как и во многих, даже полуразрушенных церквях) и чудотворная Цилканская икона Божией Матери IX в.

Несмотря на запрещение, — пишет Муравьев, — мы зашли в пошатнувшийся собор, чтобы поклониться в нем гробу великого Святителя Иисея; он в жертвеннике и мимо его восходят на ступени возвышения алтарного; но гробница не ознаменована никаким украшением и нельзя отличить простую плиту ее от ступени. Иконостас каменный, низкий, как в древнейших храмах Грузии; на нем вместо икон фрески, на которых едва можно распознать Деисус и несколько ликов Апостольских; на столбах, по сторонам иконостаса, стерты лики тринадцати отцов Сирских, из коих еще видны три: Иосиф Алавердский, Исидор Самтавийский и сам Иисей Цилканский, как бы сохранившийся ради памяти своего святительства в этом храме. Там, где стояла, под сению, чудотворная икона Божией Матери, против Архиерейской кафедры, чуть видны на стене три лица: едва ли это не избрание Св. Иисея Каталикосом Евлаviем, в присутствии Аввы Иоанна, который передает ученика своего Архипастырю? Впрочем так повреждены все фрески, что уже трудно разобрать. Птицы летают внутри опустевшего храма [Муравьев 1848. 3: 82–83].

Последние слова отсылают к евангельским: «Посмотрите на птиц небесных: они не сеют, и не жнут, и не собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их» (Мф. 6: 26), как и частые сравнения Муравьевым иссеченных в скалах пустынных келий с гнездами птиц. Тексты Муравьева пишутся на основе глубокой когнитивной сцепленности, связанности созерцаемого с евангельскими образами и смыслами, что и делает их столь проникновенными; это своего рода основа, «грунт» (подобно грунтованному холсту в живописи). «Евангельские ассоциации» скрепляют пространство текста, создают временную перспективу, наполняя повествование энергией.

Митрополит Филарет советовал Муравьеву в письме от 3 декабря 1846 г.: если «у Грузин нет писанных сведений о местах и о прошедшем, беседуйте больше со старцами: тем новее будут сведения, которые со-

берете» [Письма: 213]. Очевидно, Муравьев следовал этому совету. Не раз ссылается он и на «воображение народное, всегда поэтическое в своих вымыслах» [Муравьев 1848. 2: 110], и «народное предание, которое любит оживлять самые обители смерти» [Муравьев 1848. 2: 118], рассказывая о трудившихся над убранством церкви в пещере брате и сестре, выведенных на свет и спасенных ангелом. Нередко в описание монастырей и храмов вплетаются сведения исторические, слышанные от местных жителей:

Весьма изящна резьба на стенах храма Самтавийского, особенно виноградные лозы и крест, изваянный со стороны алтаря крест, с надписью: «да утвердит Господь век в века». Местное предание указывает самое углубление отколе исторглось пламя, во дни Тамерлана, когда свирепый завоеватель хотел сокрушить на стене большой крест, доселе ее осеняющий. Как утешительны такие предания и как отрадно для народа молиться в храме, ознаменованном столь чудным событием! С такою твердою верою прошла и устояла бедная Грузия сквозь все завоевания [Муравьев 1848. 3: 86–87].

О неизвестных строителях церкви Пресвятой Богородицы (XIII в.) в монастыре Ахтала на границе Грузии и Армении («ничего подобного не встречал я в Грузии по изящности отделки» [Муравьев 1848. 3: 325] Муравьев оставил приклоненное воздыхание:

В них отразилось самозабвение людей, которые жертвовали целыми годами своей жизни, лишь бы только их произведения были достойны высокого назначения, а имя тружеников ведомо одному Богу. Но если нет слов для описания, есть сердце для сочувствия, и конечно то безотчетное и глубокое благочестие, с которым созидались святилища лучших времен, есть необходимая вина [sic!] того невольного благоговения, которое проникает душу при входе в их заветную внутренность: ибо там еще веет молитвою, даже и от обнаженных стен; там сердце жаждет молиться, хотя бы и среди развалин, более, нежели в новом великолепии храмов, и глаза хотят плакать, и сами собою подгибаются колени, на вековом помосте, изрытом следами лучших молитвенников» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 2: 325–326].

Прошлое не являлось для Муравьева музейным экспонатом, неподвижно лежащем в витрине под стеклом, оно было частью настоящего

и возможного будущего. Он был наделен даром, который Н. Н. Глубоковский определял, как *«взаимность с прошлым»* [Глубоковский: 49]. К погруженности в *живительную стихию православия* автор «Грузии и Армении» стремился приобщить читателя.

Это соприсутствие древности наглядно передает описание поездки в Шиомгвинскую пустынь (в 10 верстах от Мцхеты), совершенной вместе с экзархом Исидором (Никольским) на следующий день после празднества в честь Хитона Господня, 2–3 октября 1846 г. Живописуя *«дикую дорогу по лесистым оврагам, сбегавшим в глубокую долину Куры»* [Муравьев 1848. 1: 276] и местность вокруг, Муравьев прокладывает перед читателем путь не только в пустынь, но к ее прошлому, реконструируя фрагмент исторической мозаики — хронотоп, и повествованием об увиденных храмах и постройках становясь для читателя со-свидетелем прошлого.

На одной из горных вершин противоположного берега еще видны были остатки римского укрепления и древнего города Армаза, и одинокой церкви св. Нины, где сокрушала она идолов. Недалеко от обители крутая гора преградила нам путь, заслонив собою глубокую лошину, в которой основал Св. Шио свое пещерное жилище; с трудом поднялись мы на вершину; оперенную лесом; она увенчана древнею церковью Св. Креста, которая недавно упразднена и еще сохранила остатки стенной живописи. <...>. С каменистого гребня, отделяющего пустынь Св. Шио от всего мирского, открывается величественный вид на дальнейшее течение Куры и в глубину долины, которую избрали себе убежищем земные Ангелы и небесные чело- веки, следовавшие по стопам Сирского отца своего. *До тысячи келий, как гнезда птиц, иссечены по всей поверхности горы, от вершины ее и до подошвы, где смиренно прислонилась обитель Св. Шио; это дикое уединение, брошенное и забытое людьми в объеме утесов, сильно гласит о вечности человеческому сердцу. Первые отшельники умели выражать внутреннее их влечение, даже самым местом своего подвига, и от того так действенна бывает проповедь, из глубины их вертепов, где самая природа служит ей отголоском.* Начинало вечереть, когда мы совсем спустились с горы, так что едва только оставалось нам время осмотреть обитель; но тишина вечерняя, соединенная с тишиной самого места, удвоила впечатление тихой пустыни, где казалось вовсе не было жизни; три только инока, как тени, вышли к нам на встречу; один из них едва уже бродил от старости, но более

других ревновал нам показать свою родную святыню. Он был рода княжеского, и как больно видеть, что это княжеское поколение иноков угасает в древних обителях Грузии» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 1: 275–278].

Само-очевидная поэзия и многозначность не поддаются комментариям, которые могут нарушить тишину нарисованной картины.

Сочинение Муравьева представляет обширное собрание сведений, привлеченных из различных источников от рукописных (включая ранее не известные на русском языке и специально переведенные для Муравьева жития грузинских святых) до устных преданий по истории и современному состоянию монастырей и храмов, богослужению двух древнейших в христианском мире Церквей: Грузинской православной и Армянской Апостольской, а также по истории и этнографии края. Ценность приводимых сведений в том, что они принадлежат *очевидцу*, много путешествовавшему по Востоку, Западной Европе, России, и получены при сравнении того, что Муравьеву было известно ранее, с тем, что он наблюдал на Кавказе середины XIX в. Его путешествие по Кавказу и во времени можно сравнить с работой археолога «в поле», а делавшиеся непосредственно на месте записи с этюдами/набросками художника с натуры.

Как историка Муравьева определяет *глубокое личное сопереживание* присутствия на Кавказе большого количества христианских древностей. Ярко и непосредственно выраженная историческая рефлексия оживляет и связывает текст книги, превращая *наброски с натуры* в цельное историко-художественное пространство, где личность автора занимает место лирического героя. Присутствует не только живое религиозное чувство, но ощущение времени и места, тем самым генерируется восприятие *неразрывности* времени и пространства, что так просто и гениально А. А. Ухтомский обозначил как «хронотоп» — когда «*существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события*» (Курсив мой. — Т. Б.) [Ухтомский: 342], в которые, добавим, вовлечен человек. «Есть избранники Божии, — пишет Муравьев, — *свыше предназначенные для известной эпохи или страны, и увлекаемые тайным безотчетным чувством, к исполнению своей высокой цели*» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 1: 120], «такие люди не умирают и гением своим всегда присутствуют там, где наиболее совершили великих дел» [Муравьев 1848. 3: 212–213]. Муравьев уловил

и прочувствовал целостность исторического процесса (время, пространство, человек...), интегрированного/соединенного с *живительной стихией Православия*.

Очевидно, поездка Муравьева на Кавказ в области, недавно вошедшие в состав Российской империи, являлась частью «неофициальной стороны» служения при Азиатском департаменте МИД, от которого, возможно, исходила и *помощь* в поездке, упоминаемая Филаретом в письме 3 июля 1846 г.: «Добрый путь Вам в Грузию. Радуюсь, что Вам помогли, а есть ли бы и более, думаю, не излишне было бы» [Письма: 203]. И в Грузии, и в Армении Муравьева встречали, не просто как частное лицо, принадлежащее знатной фамилии, но как представителя Российской империи; он и его сменявшиеся спутники передвигались в сопровождении конвоя и местных проводников. О приездах Муравьева в монастыри настоятели были извещены заранее, ему открывали ризницы и библиотеки. Муравьев находился «в беспрепятственных сношениях со всеми владетельными лицами этого края» [Святогорец: 7].

1840-е гг. знаменовали новый этап присоединения Кавказского края к Российской империи и «замирения» его. В декабре 1844 г. было образовано второе Кавказское наместничество с центром в Тифлисе; наместником и главнокомандующим назначен гр. М. С. Воронцов¹, прибывший в Тифлис 24 марта 1845 г. Новым Экзархом Грузии 14 ноября 1844 г. назначен архиепископ Карталинский и Кахетинский Исидор (Никольский), приехавший месяцем ранее из Западного края, где активно участвовал в воссоединении униатов с Русской православной церковью, хорошо знакомый Муравьеву по Москве, в 1834–1837 гг. он состоял викарием митрополита Филарета.

Наставляя нового экзарха для служения в Закавказском крае, обер-прокурор Св. Синода гр. Н. А. Протасов обращал внимание на «новые отношения к разным иноверным исповеданиям в тамошнем крае, между прочим, к армяно-грегорианскому» и необходимость поддерживать «доброе... согласие» с Нерсесом V Аштаракецки (1770–1857), избранным в 1843 г. католикосом всех армян, известным русскому правительству «личными своими достоинствами, и преданностью к Престолу» [Дубровин: 171]. Обер-прокурор призывал Экзарха своими «благоразумными распоряжениями не только упреждать всякие меж-

¹ 6 августа 1845 г. возведен в княжеское достоинство.

ду православным-грузинским и армяно-грегорианским духовенством столкновения, но и стараться, сколько возможно, об утверждении между ними взаимного благорасположения» [Дубровин: 171]. Однако новый экзарх не разделял надежд русского правительства, спустя год после приезда на Кавказ в письме от 16 февраля 1848 г. к архиепископу Иннокентию (Борисову), вызванному для присутствия в Св. Синод, экзарх замечал:

Назовите меня близоруким или как Вам угодно, а я *по убеждению* скажу, что политика, ожидающая от Армян чего-то многого, ошибается, и весьма жаль, если Духовное Начальство разделяет это ожидание¹.

Возможно, поездка Муравьева была своего рода ревизией состояния церковных дел в крае и деятельности экзарха, отчасти подтверждением этому могут служить письма Муравьева Филарету, в которых речь шла о деятельности Исидора (Никольского), и признание, что он наблюдал Кавказ «более со стороны церковной, нежели гражданской» [Муравьев 1848. 1: IV].

Вместе с тем беседы Муравьева с католикомосом Армянской Апостольской Церкви Нерсесом V Аштаракеци имели целью изучить из первых рук все, касавшееся внутреннего и внешнего быта Армянской Апостольской церкви и возможности сближения Русской и Армянской церквей. Во время пребывания в Армении Муравьеву были предоставлены зимние покои католикоса в Эчмиадзинском дворце, в поездках католикоса сопровождал келейник, чтобы, по словам Муравьева, «мне все было открыто в монастырях» [Муравьев 1848. 2: 106]. 3 декабря 1846 г. Муравьев сообщал митрополиту Филарету:

Этот знаменитый по своим подвигам старец, почти столетний², благосклонно принял меня в Эчмиадзине и объяснял все касающееся до его Церкви [Письма: 213].

По словам Муравьева, в беседах с католикомосом они проводили «многие вечера и многое напечаталось в моей памяти, ибо я *старался*

¹ ОР РНБ. Ф. 313. № № 42. Л. 195. (Курсив автора. — Т. Б.)

² Нерсесу было 76 лет.

узнать все, что относилось до внутреннего и внешнего быта Церкви Армянской» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 2: 46–47]. Беседы с Нерсесом продолжились в Тифлисе, куда католикос приехал накануне Рождества Христова 1846 г. и покинул Тифлис не ранее середины апреля 1847 г., проводив Муравьева в обратный путь в Россию.

18 февраля 1848 г., спустя почти год после отъезда Муравьева Исидор (Никольский) писал митрополиту Филарету:

Я надеялся, что бывший здесь Г. Муравьев подробнее объяснит Вам, что сближение Православной Церкви с Армянской никогда еще не было так *ненадежно*, как при нынешних обстоятельствах. Глава Армян, с обыкновенною народною хитростью, убедивший для своих видов показать себя в столице таким благонамеренным и даже близким к Православию, на самом деле весьма далек от Православия и с фанатическою суровостию преследует тех, в которых подозревает наклонность к Православию. Пока он жив, ничего доброго ожидать нельзя. Вам нужны факты, чтобы мне поверили, — я доставлю их, с подробною запискою об Армянском вопросе¹.

Основываясь на тексте книги, сопоставив с косвенными сведениями из других источников, можно сделать предположение, что одним из поручений, связанных с *«неофициальной стороной»* служения Муравьева при Азиатском департаменте Чиновником Особых Поручений V класса (каковым назначен 7 декабря 1846 г. после возвращения из Армении), являлось ведение неофициальных переговоров/бесед о возможности восстановлении Абхазской епархии с владельческими князьями Абхазии, Имеретии, Мингрелии с одной стороны и экзархом Грузии с другой.

Первая попытка восстановления Абхазской епархии, предпринятая в 1832 г. владельческим князем Абхазии генерал-адъютантом кн. Михаилом Шервашидзе, пожелавшим сделать епископом Абхазским своего родственника мингрельского игумена Антония (кн. Дадиани), была отклонена Св. Синодом; возведенный в сан архимандрита Антоний направлен в Абхазию миссионером с назначением ему с причтом жалования 1000 руб. и переводчику 250 руб. серебром [Ду-

¹ ОР РНБ. Ф. 313. № № 42. Л. 195. (Курсив автора. — Т. Б.)

бровин: 339]¹. Вскоре возник проект об устройстве в Абхазии русской духовной миссии в составе архимандрита, трех иеромонахов, двух иеродиаконов, двух причетников и одного переводчика; причем архимандриту миссии предполагалось подчинить «все духовенство» на восточном берегу Черного моря, а его самого «поставить в непосредственную от Синода зависимость и облечь властью и силою благочинного и обер-священника» [Дубровин: 339]. Как пишет экзарх Грузии Исидор (Никольский), дело о миссии возникло «при здешнем штабе», тогдашний экзарх архиепископ Евгений (Баженов, 1834–1844) «не участвовал» в нем. Проект был передан в Кавказский комитет и на согласование военного и духовного начальства с владельцем Абхазии кн. Михаилом Шервашидзе. Учреждение миссии «замедлялось» составлением проектов на возобновление Пицундского храма, «сооружение укреплений, необходимых для охранения от Горцев храма и миссии»², устройство помещений для членов миссии и поиском достойных кандидатов для миссии преимущественно среди русского духовенства. 14 февраля 1843 г. архимандрит Антоний (Дадияни) был хиротонисан в епископа Мингрельского.

Пока шло согласование всех частных дел, произошла смена духовной и военной власти на Кавказе, о которой мы сказали выше. По замечанию Дубровина, с этою «переменою многое на Кавказе и за Кавказом приняло другое направление и дело об абхазской миссии получило также совершенно иной исход» [Дубровин: 342]. 2 декабря 1845 г. миссионером в Абхазию назначен управлявший церковными имениями игумен Герман (Гоголашвили), ставший духовником кн. Михаила Шервашидзе, возведенный 1 сентября 1847 г. в сан архимандрита.

Весной 1846 г. в Кавказском комитете и Св. Синоде возобновилось рассмотрение дела об учреждении Абхазской миссии, что обсуждалось в переписке с наместником кн. Воронцовым, по большинству вопросов консультировавшимся с экзархом. Отметим, что в мае 1846 г. Муравьев сообщил митрополиту Филарету (Дроздову) о своем намерении посетить Грузию, «чтобы изучить древний быт ее церкви» [Письма: 202],

¹ Подробно о проекте Абхазской миссии см.: [Дубровин 1: 338–342].

² Письмо Иннокентию от 15 апреля 1849 г. ОР РНБ. Ф. 313. № 42. Л. 194об. –195.

28 мая митрополит одобрил поездку, 24 августа Муравьев находился в Воронеже на пути в Грузию.

Согласно замечаниям, сделанным наместником (по обсуждению с экзархом), в проект Абхазской миссии внесены были изменения, о которых обер-прокурор сообщал наместнику 24 августа 1846 г.: пригласить епископа Мингрельского Антония (Дадияни) принять участие в Абхазской миссии в звании почетного члена и «обязать миссионеров обращаться к нему для испрошения наставлений, руководства и проч.» [Акты 10: 227]; в состав миссии включить духовника кн. Шервашидзе игумена Германа (Гоголашвили) «с оставлением его на настоящем месте жительства и с содержанием, назначенным старшему иеромонаху, т. е. 700 р. с. жалованья и 3 пайка муки и крупы» [Акты 10: 227]; на начальника миссии не возлагать начальствование над духовенством Черноморской береговой линии; подчинить миссию экзарху и поручить ему составление особой инструкции для членов миссии с представлением ее в Св. Синод; за счет суммы, ранее предполагаемой для раздачи «христианской милостыни» учредить при начальнике миссии в Пицунде училище для образования детей абхазских и «соседственных племен» [Акты 10: 227]. Поскольку «починка и возобновление» зданий в Пицунде, намеченных для размещения миссии, могла продлиться не менее двух лет, использовать это время для поиска сотрудников миссии и «по избрании» направлять их в Тифлис под руководство экзарха для подготовки к будущей деятельности [Акты 10: 227].

В решении вопроса об учреждении Абхазской миссии (епархии) были заинтересованы гражданские, военные и духовные власти Российской империи с одной стороны, и владетельные князья Абхазии, Имеретии и Мингрелии, с другой; для согласования и принятия взаимоприемлемого решения необходимо было неофициально прозондировать почву. Выскажем несколько предположений об участии в этом подготовительном процессе по восстановлению Абхазской кафедры А. Н. Муравьева, основываясь только на «открытых источниках» — книге «Грузия и Армения: более, чем вероятно, что в архиве Азиатского департамента МИД могут храниться донесения или записки Муравьева, связанные с поездкой на Кавказ.

За время своего восьмимесячного пребывания на Кавказе Муравьев много времени посвятил общению с военными и духовными властями, беседовал с известными учеными и культурными деятелями Грузии и

Армении, находился «в беспрепятственных сношениях со всеми владельческими лицами этого края» [Акты 10: 231]. В третьей части книги, посвященной поездке по Имеретии, Мингрелии и Абхазии, Муравьев замечает:

Я имел случай хорошо осмотреть их замечательную святыню и древности, по благорасположению ко мне владельцев Мингрелии и Абхазии, с которыми отчасти совершал путешествия, или в доме коих гостил, стараясь изучать сколько можно было, внутренний быт их феодальных владений [Муравьев 1848. 1: X].

Он покинул Тифлис не ранее 11 апреля 1847 г., к 1–2 мая должен был прибыть в Редут-Кале на черноморском побережье. В пути его сопровождал кн. Дадияни (брат владетельного князя Имеретии Давида Дадияни, по словам Муравьева, покинувший дом в Зугдиди в 15 лет и живший в России до 1846 г.; имени его Муравьев не называет); в Гори к ним присоединился кн. Михаил Шервашидзе.

Муравьев и его спутники посетили Гелатский монастырь, бывший со второй половины XVI в. до 1814 г. резиденцией Абхазских католиков, куда «постепенно сносили из разоряемых церквей все уцелевшие сокровища» [Муравьев 1848. 3: 169–170]. В одной из трех церквей Гелати, в церкви св. вмч. Георгия Победоносца, воздвигнутой на рубеже XII–XIII вв., хранилась главная святыня Абхазских католиков Бичвинтская (Пицундская) икона Божией Матери. Муравьев пишет:

Церковь не обширна и на ней лежит отпечаток глубокой древности. В иконостасе высоко вставлена чудотворная икона Пицундской Божией Матери, *основание Христианства всей Абхазии*, перенесенная сюда Католиком Захарию¹. Она не велика и одета золотою ризою с драгоценными камнями, лалами, жемчугом и бирюзою. Божия Мать стоит, с предвечным Младенцем на руках, по сторонам ее Архангелы и Предтеча с Златоустом. На задней доске вложено честное древо и много частиц Св. мощей неизвестных. Надпись свидетельствует о неоднократном ее украшении.

¹ Захария (Квариани), митрополит Гелатский (1639–1660), католикос-патриарх Зап. Грузии (Абхазский, Пицундский) (1658?–1660)

«И прежде предрекли о тебе, нетленная, лики Пророков: Давид назвал тебя кивотом чистоты, Соломон вместилищем, Исайя облаком, родительницею Эмануила; я же веруя сему приступил к украшению святого твоего образа, дабы мне удостоиться статья одесную Сына твоего, подобно Пророкам. Я всего Севера и Абхазии Католикос Евдемон Чхетиедзе, оковал и украсил сей образ Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и присно-девы Марии с Сыном; самый образ золотом и драгоценными камнями и жемчугом светло украсил, а поле и дверцы серебром, и поставил в храм Пицундской Божией Матери, для моления и всегдашнего поминовения, прощения и утешения грешной моей душе и оставления грехов моих, аминь. — Христе! Помилуй душу Мамии Дадияна и будь покровителем его во веки и сына его Дадияна Леона прославь Господи в сей и другой жизни, аминь. Окован и окончан сей образ хроникона 256, от сотворения мира в 7406 году от Р. Х. 1568 индикта 11-го» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 3: 208–210].

В храме находилась и другая драгоценная икона — «верный список с Пицундской» [Муравьев 1848. 3: 210].

Как отмечает Муравьев,

Владелец Абхазии, с особенным благоговением, приложился к иконе Пицундской Божией матери, сему древнему достоянию его народа, и просил меня написать для него надпись с задней доски. «Если когда-либо, говорил он мне, восстановится опять опустевший храм Пицунды и туда возвратят нашу священную икону, то я могу вас уверить, что все подданные обратятся к Христианству, ибо они до сих пор уважают святое место, даже и Магометане. Самая вера начала упадать в наших пределах с тех пор только, как унесли оттуда Пицундскую Божию мать». Такие слова, в устах владетельного князя Абхазии, были весьма замечательны и достойны внимания (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 3: 211].

После чтения этих строк создается впечатление, что описание Муравьевым посещения Гелатского монастыря и приводимые им слова кн. Шервашидзе перед иконой Пицундской Божией Матери заключали в себе некий провиденциальный смысл и как бы *подводили (или должны были подводить) к неотложности* восстановления Абхазской епархии.

После Гелати путники направились в Мартвили/Мартвиль (Чкондиди) (село на самом высоком холме в Верхней Сванетии), где по преданию, «водрузил Св. Апостол Андрей Первозванный первый крест в пределах Мингрелии» [Муравьев 1848. 3: 248–249], кафедральную обитель мингрельских епископов и усыпальницу рода Дадиани. Как замечает Муравьев, «нам еще надлежало посетить дорогою епископа Мингрельского Антония, из рода Дадаинов в его поместье, где ожидал нас Владелец Абхазии» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 3: 248]. Напомним, что в 1832 г. кн. М. Шервашидзе, ходатайствуя об учреждении Абхазской епархии, предлагал посвятить мингрельского игумена Антония в епископа Абхазского, а летом 1846 г. наместник Грузии и экзарх при обсуждении проекта Абхазской миссии предлагали пригласить епископа Мингрельского Антония (Дадиани) в звании почетного члена к участию в проектируемой тогда Абхазской миссии, и «обязать» остальных членов миссии обращаться к нему за наставлениями и руководством.

С той же провиденциальной интонацией Муравьев передает свое наблюдение о молебствии, совершенном по случаю их приезда митрополитом Имеретинским Давидом (кн. Церетели, шурин кн. Давида Дадиани) в соборном храме Гелати об императрице Александре Федоровне:

Самое богослужение на языке незнакомом, в пустоте обширного собора, с величественными обрядами архиерейскими, при нынешнем убожестве церкви Имеретинской, производило глубокое впечатление на сердце. *Все минувшее Иверии как бы встало и олицетворялось пред моими глазами, ибо если изменился гражданский быт ее, не изменился церковный, верный чрез столько лет Греческому образцу своему.* Весьма ограничено было число священнослужителей, особенно диаконов при Митрополите, но величественная его осанка соответствовала богатству облачения древних времен, извлеченных из ризницы Гелатской. Четыре певчих составляли весь хор, весьма монотонный, но не пронзительный для слуха, исключая некоторых начальных нот, похожих на жалобные тоны и часто повторяемых. *Но вот что замечательно; во всей Имерети и Мингрелии хор, вместо Грузинского: «Господи, помилуй», отвечает по-гречески: «Кириелейсон», и это знаменует ближайшее сообщение Имеров, т. е. Горцев по сю сторону хребта с*

Греками, которые легче могли с ними сноситься через Черное море, нежели с более отдаленными Грузинами (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 3: 168–169].

Из Мартвиля путники (состав которых менялся) направились к развалинам Николакеви/Ноколакеви (Археополис) и далее в Зугдиди, в дом владетеля Мингрелии кн. Давида (Дадзиани), где Муравьев провел четыре дня. На второй день туда приехал владетель Абхазии кн. Михаил Шервашидзе, как сообщает Муравьев,

с тестем своим Дадзианом, и дом Владетеля Мингрелии наполнился посетителями. Время, свободное от богослужения и кратких прогулов, протекало в беседах, весьма для меня занимательных с обоими Владетелями, ибо я изучал местные обычаи и обстоятельства края. Однажды, во время сих бесед, Князь Михаил Абхазский, видя, что у меня нет четок, которые все там носят, снял с руки тестя и отдал мне, в знак своего расположения, серебряные четки, весьма драгоценные по своей исторической древности, ибо они принадлежали великой царице Тамаре и переходили из рода в род, в поколении владетелей земли Сванетской» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 3: 284–285]¹.

То были дни отдания Пасхи, 27–30 апреля 1847 г. Перед отъездом кн. Шервашиде пригласил Муравьева посетить Абхазию, но из-за непогоды и разлива рек их совместная поездка не состоялась; по словам Муравьева, больше они не виделись.

Но сам Муравьев посетил тогда Пицунду. 1 мая в Редут-Кале его ждал пароход, чтобы доставить в Крым. К удивлению Муравьева, на корабле находился начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант барон А. И. Будберг, его сослуживец по Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. Двинувшись вдоль берега, они сделали остановки в Никопсии и Пицунде, еще с моря увидев купол Пицундского храма,

¹ Об этих четках упоминает в своих воспоминаниях о Муравьеве М. В. Толстой «К древностям грузинским относятся еще серебряные граненные четки, принадлежащие, по древнему преданию, знаменитой царице Тамаре. Они были найдены в горах Сванетии, а мне подарены владетелем Абхазии Михаилом Шервашидзе, когда вместе с ним мы гостили в Зугдиди у владетеля Мингрелии — Дадзиана» [Толстой: 292].

описание которого в книге Муравьев закачивает многозначительным заявлением:

Нет в Пицунде походной церкви, как в прочих укреплениях Абхазского и Черкесского берега, потому что предположено обновить великолепный храм Иустиниана и уже прислан архитектор для сего истинно полезного дела, которое *опять возвратит всю Абхазию к Христианству, особенно если тут учредится кафедра Епископская и миссия духовная*» (Курсив мой. — Т. Б.) [Муравьев 1848. 3: 313–314].

Таким образом, *мысль* о создании самостоятельной Абхазской кафедры параллельно с Абхазской духовной миссией первым была вброшена в публичное пространство именно Муравьевым, а учитывая, что рукопись книги предварительно просматривал митрополит Филарет (Дроздов), что главы о встречах с владетельными князьями и поездке в Абхазию были в первой партии тетрадей (осень 1847 г.), законно допустить, что она была одобрена митрополитом; возможно, санкционированы и сами беседы с владетельными князьями.

В 1849 г. владетель Абхазии кн. Михаил Шервашидзе «вдруг подал экзарху Грузии просьбу» [Дубровин: 344] об учреждении в его владении архиерейской кафедры и назначении епископом Абхазским своего духовника архимандрита Германа (Гоголашвили). Отметим, что прошение было передано не наместнику. В том же году 1849 г. наместник представил в Петербург проект об учреждении Абхазской епархии. Впоследствии, в *секретном* отношении от 26 марта 1851 г. военному министру гр. А. И. Чернышеву кн. Воронцов объяснял: «Дело о назначении архиерейской кафедры в Абхазии представлено мною в 1849 году, *после состоявшегося взаимного соглашения между владельцем Абхазии князем Шервашидзе и экзархом Грузии, в том же году, здесь в Тифлисе*» (Курсив мой. — Т. Б.) [Акты 10: 231], из чего следует, что прошение кн. Шервашидзе предварительно согласовано было с экзархом, который мог быть в курсе переговоров Муравьева с владетельными князьями и выступавшим категорически против создания Абхазской миссии.

О сложностях решения вопроса с открытием Абхазской миссии/епархии экзарх доверительно сообщал архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову) 9 марта 1850 г.:

Что касается до подчинения еп. Абхазскому всего берега, — этого сделать теперь нельзя. *Я желал подчинить ему 13 приходов Самурзакани соседних с Абхазиею: Наместник не согласился, потому что Самурзакань вошла в состав Имеретинской губернии, и потому, что она служит яблоком раздора между Владетелями Мингрелии и Абхазии; а поелику и от Имеретинской епархии она отделена Мингрелиею, то и оставлена в ведении Экзарха. <...> Бояться, что подчинение Самурзакани Мингрельской или Абхазской духовной власти возродит новые споры, которые иногда доходили до штыков. <...> Вот какой этот пункт щекотливый! Где есть военные церкви, туда не может простираться епархиальная власть. Со временем, если при помощи Божией христианство будет распространяться на соседние области — Цебельду, Сванетию и Имеретию, расширятся и пределы Абхазской епархии. Теперь она должна ограничиться одною Абхазиею (Курсив мой. — Т. Б.)¹.*

Из чего видно, что в решении вопроса об учреждении Абхазской епархии владетельные князья Абхазии, Имеретии и Мингрелии были заинтересованы напрямую. Дело с учреждением новой епархии продвигалось медленно. В декабре 1850 г. преосвященный Исидор сообщал архиепископу Иннокентию:

<...> Владетель Абхазский сердится, что не хотят уважить желания его и народа, — и это может охладить его усердие в распространении Христианства в Абхазии. Там-то и нужно бы умножить число Епископов, где нива еще не возделана» (Курсив мой. — Т. Б.)².

Как некий переходный вариант предлагалось объединение двух проектов (учреждении духовной миссии и архиерейской кафедры) в одном: через восстановление древней архиерейской кафедры и придание ей миссионерского характера. Тут есть самая прямая перекличка с книгой Муравьева. В секретном отношении военному министру № 385 от 26 марта 1851 г. наместник пишет:

¹ ОР РНБ. Ф. 313. № 42. Л. 824–825. Первые два листа отсутствуют. Известно, что Иннокентий (по просьбе корреспондента) иногда по прочтении уничтожал письма.

² ОР РНБ. Ф. 313. № 42. Л. 563 об.

Важное дело это разделяется на два предмета: *Разделение Архиерейской кафедры в Абхазии и учреждение в той же провинции духовной миссии*. На-счет миссии, лучшее объяснение, которое я могу представить, заключается в прилагаемом письме ко мне от преосвященного Исидора, с мнением которого я во всем согласен. <...>

Преосвященному Исидору также известно, как и мне, что князь Шарвашидзе усердно желает, чтобы была учреждена епархия в Абхазии, <...> и весьма справедливо представляет, что христианство не может не получить огромные выгоды от учреждения кафедры и прибавления важности и власти духовенству, как в Абхазии, так и в соседственных провинциях; но вместе с тем он представлял и надеялся, что первым архиереем в Абхазии будет теперешний его духовник Архимандрит Герман [Акты 10: 230, 231].

В письме Св. Синоду экзарх также высказывал мысль о желательности восстановления древней архиерейской кафедры и придания ей миссионерского характера:

В VI веке император Иустиниан II соорудил в Абхазии пицундский храм, который был кафедральным прежде митрополитов греческих, а после католикосов грузинских. В установленные дни в сей храм собиралось высшее духовенство Мингрелии, Сванетии, Гурии и Грузии, для посвящения католикосов, епископов и для мирования. Пребывание высшего духовенства в Абхазии способствовало к распространению христианства и у соседних народов: джигетов, натухайцев, шапсугов. Памятование о сем и особенное уважение к пицундскому храму еще осталось у всех соседних племен, а в народе, подвластном князю Ширвашидзе, те же чувствования и к духовному сану, и к вере православной. По сим уважениям, *я признаю вполне полезным восстановление древней архиерейской кафедры в Абхазии, тем более что сею мерою усиливаются и нравственные средства предполагаемой миссии*» (Курсив мой. — Т. Б.) [Дубровин: 344].

Таким образом решался вопрос о миссии, вызывавший столько вопросов.

Абхазская епархия с кафедрой в Пицунде учреждена в апреле 1851 г. Первым епископом стал Герман (Гоголашвили), кандидатуру которого всячески поддерживали наместник и экзарх, как условие кн. Шервашидзе; его хиротонию 8 сентября 1851 г. совершил экзарх.

Книга «Грузия и Армения» содержит не только сведения по истории монастырей, архитектуре, внутреннему убранству, иконах и христианских реликвиях, в ней запечатлен *непосредственный* контакт с подлинной христианской древностью, в которую Муравьев стремился погрузить читателя. Посещение древних обителей или их развалин, не утративших красоты и достоинства древности, *вглядывание* в иконы и полустертые фрески, с которых *взирали* лики святых, источая мимошедшее, вызывали живой отклик (преемство) с христианским Востоком IV–XI вв., до которого можно было *дотронуться* в прямом и переносном смысле. Вместе со сведениями о современном состоянии двух древнейших в христианском мире церквей: Грузинской Православной и Армянской Апостольской, в книге прослеживается «неофициальная сторона» служения автора при МИД, которой Муравьев отдал около сорока лет.

Список литературы

Источники

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею // Архив Главного управления Наместника Кавказского. Т. X. Кавказ и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова 1844–1854. Тифлис: Тип. Главного управления Наместника Кавказского 1885. 938 с.

Дубровин Н. Ф. Материалы для истории православной церкви в царствование императора Николая I / под ред. Н. Ф. Дубровина. Кн. 1. СПб.: Тип. тов-ва Общественная польза. 1902. 468 с.

Казанский П. С. Воспоминание об Андрее Николаевича Муравьеве. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 31 с.

Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. 2. Пг.: Тип. Императорской академии наук, 1915. 452 с.

Львов А. Н. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 гг.), изданные с биографическими сведениями и пояснительными примечаниями. СПб.: Тип. А. П. Лопухина, 1900. 722 с.

Муравьев А. Н. Грузия и Армения. Ч. 1–3. СПб.: Тип. III Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1848.

Муравьев А. Н. Знакомство с русскими поэтами. Киев: Тип. И. и А. Давиденко. 1871. 35 с.

Муравьев А. Н. Мои воспоминания. М.: Синодальная типография. 1913. 98 с.

Письма митрополита Московского Филарета (Дроздова) к А. Н. М.... 1832–1867. Киев: Тип. И. и А. Давиденко, 1869. 692 с.

Святогорец, что на Донце. Краткий обзор всех сочинений А. Н. Муравьева. СПб., 1866. 46 с.

Толстой М. В., *гр.* Памяти А. Н. Муравьева (Письмо к М. М. Евреину) // Душеполезное чтение. 1874. Ч. 3. Ноябрь. С. 278–296.

Исследования

Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава: Синодальная тип., 1928. 115 с.

Смирнова И. Ю. Дипломатическое противостояние России и Великобритании на Ближнем Востоке (1830–1850 гг.): по материалам аналитического обзора барона Н. Е. Торнау // Христианство на Ближнем Востоке. 2018. № 1. С. 41–51.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. 448 с.

References

Glubokovskii, N. N. *Russkaia bogoslovskaiia nauka v ee istoricheskom razvitii i noveishem sostoianii* [Russian Theological Science in Its Historical Development and Recent State]. Warsaw, Sinodal'naia tipografia Publ., 1928. 115 p. (In Russ.)

Smirnova, I. Yu. "Diplomaticheskoe protivostoianie Rossii i Velikobritanii na Blizhnem Vostoke (1830–1850 gg.): po materialam analiticheskogo obzora barona N. E. Tornau" ["The Diplomatic Confrontation between Russia and Great Britain in the Middle East (1830–1850): Based on the Analytical Review by Baron N. E. Tornau"]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke*, no. 1, 2018, pp. 41–51. (In Russ.)

Ukhtomskii, A. A. *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002. 448 p. (In Russ.)